

Е. А. Кукрусова

**ЗНАЧЕНИЕ ЗОН ТОЛЕРАНТНОСТИ
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ МОДАЛЬНОСТИ
В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА АВТОРА
(на материале лирики А. Ахматовой)**

Рассматривается текстовая функция зон толерантности частных модальных значений в лирике А. Ахматовой, участвующих в формировании языкового портрета автора, выявляются способы экспликации названных зон и система их отношений.

The article analyses the textual function of tolerance zones of particular modal meanings in Anna Akhmatova's poetry. The author pays special attention to the zones involved in the development of the author's verbal image, determines the explications of the zones describes and their interrelations.

Ключевые слова: поэтический язык, стиль, идиостиль, модальность, ситуативная модальность, зона толерантности, лирика.

Keywords: poetic language, style, individual style, modality, situation modality, tolerance zone, lyric poetry.

Поэтический язык конкретного автора не застывшее образование, а постоянно изменяющийся, «дышащий» организм, являющий собой неповторимый «сплав субъективностей». По образному выражению Э. Бенвениста, «язык представляет в некотором роде “пустые” формы, которые каждый говорящий в процессе речи присваивает себе и применяет к своему собственному “лицу”» [2, с. 297].

Лирический текст является отражением многогранного авторского «я», поскольку самобытный поэтический язык с уникальным набором языкового инструментария — это отображение сложносоставной системы авторских представлений о мире и самом себе. «Поэтический текст как концептуальное пространство языковой личности насыщен индивидуально-авторскими коннотациями. Здесь особенно важна оценочная позиция поэта, воспринимающего факты объективной действительности» [7, с. 65]. «Наивысшая ступень проявления человеческого фактора в языке обнаруживается тогда, — отмечает Г. В. Колшанский, — когда предметом высказывания является сам автор речи, и все оценочные моменты, следовательно, становятся вдвойне авторскими» [5, с. 87].

Важнейшую роль в характеристике автора посредством языка играет категория языковой модальности как одна из самых обширных функционально-семантических категорий. «Модальный план языковых выражений наиболее выпукло представляет человеческий фактор и дает право говорить о человеческом содержании абсолютно всех языковых единиц, поскольку в них неизбежно присутствует и как бы наслаивается оценочный, а следовательно, и индивидуально-человеческий фактор» [Там же, с. 92].

Как законченное речевое произведение текст «пронизан субъективностью и антропоцентрическими устремлениями, а антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение» [1, с. 194]. Ситуативная модальность, являясь периферийным слоем модальности пропозициональной, «указывает на способ существования события с точки зрения того, что подается как существующее в рамках наличной действительности: непосредственно само событие или же определенные предпосылки этого события, например его возможность, необходимость или желательность» [3, с. 17].

Для анализа нами была выбрана лирика А. Ахматовой разных лет и периодов творчества как в высшей степени репрезентативная в рассматриваемом аспекте поэтического языка. «Творчество Ахматовой, — отмечает В. М. Жирмунский, — продукт большой и многосложной поэтической культуры, воспитанной в классических достижениях русской и мировой литературы» [4, с. 52].

В поэтическом языковом пространстве различные модальные микрополя наслаиваются друг на друга, образуя интересующие нас зоны толерантности (толерантный — «терпимый к чужим мнениям, поведению» [1]), в которых частные значения вступают между собой в отношения симбиоза, тем самым порождая неповторимую оригинальную структуру авторского языкового пространства. Целью данной статьи является доказательство того, что подобные случаи играют важнейшую роль в формировании языкового портрета автора. Функционально-семантическая категория модальности имеет не закрытую структуру, ее компоненты перекрещиваются, тем самым расширяя функциональный «арсенал» модальности. А многоуровневая поэтическая система зиждется именно на слиянии разнородного в языке, что позволяет порождать новые смыслы. «Соединение поэтической речи с личным опытом и психикой воспринимающего, — отмечает Т. И. Краснова, — обеспечивает множественность интерпретаций» [6, с. 22]. В ходе анализа поэтического языка А. Ахматовой мы выявили наслаивания следующих модальных значений: желательности и возможности; желательности и волеизъявления; желательности, необходимости и возможности; желательности, волеизъявления и утверждения; желательности, волеизъявления и возможности; возможности, долженствования и необходимости; возможности и утверждения, возможности и необходимости.

Обширную группу образуют тесно совмещенные между собой микрополя желательности и возможности. Так, в стихотворении «Как белый камень в глубине колодца...» данные значения эксплицированы модальными глаголами (*мочь, хотеть*): «Как белый камень в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье. / Я не могу¹ и не хочу бороться: / Оно — веселье и оно — страданье» [10, с. 116]. Показательно, что в данном случае возможность и желательность в своем языковом исполнении разграничены, а на смысловом уровне тесно связаны друг с другом: именно на их симбиозе строится основная мысль высказывания. Лирическая героиня позиционирует себя как пассивную личность,

¹ Здесь и далее курсив наш.

двигающуюся «по течению» жизни. В другом стихотворении — «Алиса» — модальные значения возможности и желательности, эксплицированные глаголами *хотеть*, *мочь* связаны причинно-следственными отношениями, каждое из них зависит от другого: «О Алиса! Дай мне средство, / Чтоб вернуть его опять; / *Хочешь*, все мое наследство, / Дом и платя *можешь* *взять*» [11, с. 16]. Если в первом стихотворении авторские интенции направлены на себя, то здесь автор обращается к объекту действия с тем, чтобы он реализовал свои потенции, что позволит лирической героине исполнить собственное желание — вернуть любимого. Таким образом, имплицитное значение желательности «вбирает в себя» частные эксплицированные значения возможности и желательности.

Интересны случаи, когда эксплицировано только одно из указанных выше значений. В части IV поэмы «Реквием» значение желательности эксплицировано глаголом *показать* в форме условного наклонения, а значение возможности имеет имплицитный характер: «*Показать бы* тебе, насмешнице / И любимице всех друзей, / Царскоельской веселой грешнице, / Что случится с жизнью твоей...» [Там же, с. 198]. Лирическая героиня обращается к себе прошлой как к отражению собственного «я», желая предложить ей версию развития жизненной линии, на которой она уже оказалась. В тексте стихотворения «Я живу, как кукушка в часах...», напротив, имплицитным характером отличается модальное значение желательности: «Я живу, как кукушка в часах, / Не завидую птицам в лесах. / Заведут — и кукую. / *Знаешь*, долю такую / Лишь врагу / *Пожелать я могу*» [Там же, с. 32]. Из данного примера видно, что имплицитное значение желательности доминирует над эксплицированным значением возможности: нежелание лирической героини оставаться в тех узких жизненных рамках, в которых она находится, настолько велико, что свое положение она может пожелать «лишь врагу».

Другой широкий пласт наслоения модальных микрополей составляют значения желательности и волеизъявления, содержащиеся в побудительной модальности. Так, в стихотворении «По аллее проводят лошадок...» значение желательности, эксплицированное модальным глаголом *хотеть*, соединяется со значением волеизъявления, эксплицированным глаголом в форме повелительного наклонения: «Грудь предчувствием боли не сжата, / Если *хочешь*, в глаза *погляди*. / Не люблю только час пред закатом, / Ветер с моря и слово “уйди”» [Там же, с. 26]. В данном случае и значение желательности, и значение волеизъявления направлены на объект действия, автор призывает его к действию при условии наличия желания, однако в данном поэтическом отрывке присутствует и более широкое имплицитное значение желательности, которое является интенцией самого автора. В стихотворении «Чугунная ограда...» и значение волеизъявления, и значение желательности также направлены на другое лицо, а именно на возлюбленного лирической героини: «Постель мне стелют эту / С рыданьем и мольбой; / Теперь *гуляй* по свету / Где *хочешь*, Бог с тобой!» [Там же, с. 165—166]. В стихах из цикла «Обман» значение волеизъявления эксплицировано инфинитивами глаголов, значение желательности — модальным глаголом *хотеть*: «Листьям последним *шуршать!* / Мыслям последним

томиться! / Я не хотела мешать / Тому, кто привык веселиться» [Там же, с. 35]. Волеизъявление направлено на конкретный объект, на деталь окружающего мира (листья), косвенно на собственные мысли, желание является интенцией лирической героини.

Самую обширную и разнородную зону проецирования микрополей образуют случаи, когда в зоне взаимодействия оказывается более двух модальных значений. Так, в стихотворении «Проплывают льдины, звеня...» модальное значение волеизъявления, эксплицированное аналитической формой повелительного наклонения (*пусть будет*), соединяется с имплицитными значениями желательности и утверждения: «Все по-твоему *будет: пусть!* / Обету верна своему, / Отдала тебе жизнь, но грусть / Я в могилу с собой возьму» [Там же, с. 134]. В данном случае значение желательности доминирует над значением волеизъявления, направленным на объект действия, так как область авторских интенций весьма обширна. Имплицитированное модальное значение утверждения оттеняет, подчеркивает важность значения желательности, так как оно гораздо шире поэтического пространства, оно вбирает в себя и область собственно авторских потенциалов, концентрирующихся и преобразующихся в лирической структуре.

В стихотворении «Подвал памяти» модальное значение возможности, экспликатором которого является модальный глагол *мочь*, соприкасается с имплицитными значениями желательности и необходимости: «Чадит фонарь, *вернуться не могу*, / А знаю, что иду туда, к врагу. / И я прошу как милости... Но там / Темно и тихо. Мой окончен праздник!» [Там же, с. 190] Лирическая героиня не может совершить действие, обратное предполагаемому, хотя желает это сделать, потому что действие, которое уже находится в динамике, неотменимо. Модальное значение желательности в данном примере всеобъемлюще, однако значения желательности и необходимости не растворяются в нем, а сосуществуют вместе. В стихотворении «А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...» имплицитное модальное значение желательности также «вбирает» в себя эксплицированные значения возможности и волеизъявления: «Я предала тебя. И это повторять — / О, если бы ты *мог* когда-нибудь *устать!* <...> / Прости меня теперь. Учил прощать Господь» [11, с. 127].

В стихотворении «Долгим взглядом твоим истомленная...» имплицитные значения необходимости и долженствования устанавливают сообщение со значением возможности, эксплицированным модальным глаголом *мочь*, причем все они равноправны и вступают в отношения интердепенденции (интердепенденция — «то же, что зависимость взаимная» [9]), несмотря на наличие/отсутствие модальных модификаторов: «Долгим взглядом твоим истомленная, / И сама научилась томить. / Из ребра твоего сотворенная, / Как *могу* я тебя *не любить?*» [10, с. 169]. Невозможность несовершения действия подкрепляется его очевидной необходимостью и долгом лирической героини его выполнить.

Практически единичные случаи представляют собой зоны толерантности таких модальных значений, как возможность и утверждение, возможность и необходимость. В тексте стихотворения «Наше священное ремесло...» из цикла «Тайны ремесла» значение возможности, эксплицируемое с помощью безличного глагола *может*, соединяется с им-

плицитным модальным значением утверждения: «Наше священное ремесло / Существует тысячи лет... / С ним и без света миру светло. / Но еще ни один не сказал поэт, / Что мудрости нет, и старости нет, / А может, и смерти нет» [Там же, с. 228]. Автор-поэт предполагает, настаивая на собственной правоте, что «смерти нет», хотя все остальные поэты утверждали ранее, что помимо мудрости и старости есть и смерть.

В стихотворении «Будем вместе, милый, вместе...» перекрециваются значение возможности, эксплицитированное с помощью модального предикатива *можно*, и имплицитированное значение необходимости: «А теперь пора такая, / Страшный год и страшный город. / Как же *можно* разлучиться / Мне с тобой, тебе со мной?» [Там же, с. 106]. Оба модальных значения равноправны, взаимообратны; лирическая героиня, предполагая возможность разлуки с любимым, тем самым косвенно «провозглашает» необходимость быть вместе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследуемые нами зоны толерантности модальных значений не являются исключениями, они широко используются в поэтическом языке Ахматовой, обогащая ее лирический мир, действуя прежде всего через призму личности автора, преобразующего себя и систему своих мирооценок в собственной поэтической реальности. Языковой портрет автора основывается на системе отношений между значениями микрополей субъективной модальности; для построения языкового образа автора у Ахматовой доминантным является модальное значение желательности, которое, как уже было отмечено выше, выходит за пределы собственно лингвистического пространства. Немаловажна функциональная роль в зонах толерантности и других модальных значений, таких, как волеизъявление, возможность, утверждение, необходимость, долженствование, так как они обогащают цельный языковой образ автора в лирике Ахматовой.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. Б. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград, 1993.
4. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.
5. Колиманский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 2005.
6. Краснова Т. И. Субъективность — модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
7. Тимощенко С. А. Образ «волшебного» дома в художественной картине мира М. Цветаевой // Картина мира в художественном произведении: материалы Международной научной интернет-конференции. Астрахань, 2008.
8. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2004.
9. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2005.
10. Ахматова А. А. Собрание соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1.
11. Ахматова А. А. Избранное. Смоленск, 2002.

Об авторе

Е. А. Кукрцова — асп., РГУ им. И. Канга, butjaka@rambler.ru

E. A. Кукрусова

Author

Ye. Kukrusova – PhD student, IKSUR, butjaka@rambler.ru